

- [Пушкин Александр Сергеевич](#)

-

Пушкин Александр Сергеевич

Замечания о бунте

А.С. Пушкин

ЗАМЕЧАНИЯ О БУНТЕ

1.>

Стран. 16. Пугачев был уже пятый Самозванец, принявший на себя имя императора Петра III. Не только в простом народе, но и в высшем сословии существовало мнение, что будто государь жив и находится в заключении. Сам великий князь Павел Петрович долго верил, или желал верить сему слуху. По восшествии на престол первый вопрос государя графу Гудовичу был: жив ли мой отец?

2.>

Стран. 18. Пугачев говорил, что сама императрица помогла ему скрыться.

3.>

Стран. 20. Первое возмутительное воззвание Пугачева к Яицким казакам есть удивительный образец народного красноречия, хотя и безграмотного. Оно тем более подействовало, что объявления, или публикации, Рейнсдорпа были писаны столь же вяло, как и правильно, длинными обиняками, с глаголами на конце периодов.

4.>

Стран. 25. Бедный Харлов, накануне взятия крепости, был пьян; но я не решился того сказать, из уважения его храбрости и прекрасной смерти.

5.>

Стран. 34. Сей Нащокин был тот самый, который дал пощечину Суворову (после того Суворов, увидя его, всегда прятался и говорил: боюсь, боюсь! он дерется). Нащокин был один из самых странных людей того времени. Сын его написал его записки: отроду не читывал я ничего забавнее. Государь Павел Петрович любил его и при восшествии своем на престол звал его в службу. Нащокин отвечал государю: вы горячи и я горяч; служба в прок мне не пойдет. Государь пожаловал ему деревни в Костромской губернии, куда он и удалился. Он был крестник императрицы Елисаветы и умер в 1809 году.

6.>

Стран. 54. Чернышев (тот самый, о котором государыня Екатерина II

говорит в своих записках) был некогда камер-лакеем. Он был удален из Петербурга повелением императрицы Елисаветы Петровны. Императрица Екатерина, вступив на престол, осыпала его и брата своими милостями. Старший умер в П.Б. комендантом крепости.

7.>

Стран. 55. Кар был пред сим употреблен в делах, требовавших твердости, и даже жестокости (что еще не предполагает храбрости, и Кар это доказал). Разбитый двумя каторжниками, он бежал под предлогом лихорадки, лома в костях, фистулы и горячки. Приехав в Москву, он хотел явиться с оправданиями к князю Волхонскому, который его не принял. Кар приехал в благородное собрание, но его появление произвело такой шум и такие крики, что он принужден был поспешно удалиться. Ныне общее мнение если и существует, то уж гораздо равнодушнее, нежели как бывало в старину. Сей человек, пожертвовавший честью для своей безопасности, нашел однакож смерть насильственную: он был убит своими крестьянами, выведенными из терпения его жестокостию.

8.>

Стр. 56. Императрица уважала Бибикова и уверена была в его усердии, но никогда его не любила. В начале ее царствования был он послан в Холмогоры, где содержалось семейство несчастного Иоанна Антоновича, для тайных переговоров. Бибиков возвратился влюбленный без памяти в принцессу Екатерину (что весьма не понравилось государыне). Бибикова подозревали благоприятствующим той партии, которая будто бы желала возвести на престол государя великого князя. Сим призраком беспрестанно смущали государыню, и тем отравляли сношения между матерью и сыном, которого раздражали и ожесточали ежедневные, мелочные досады и подлая дерзость временщиков. Бибиков не раз бывал посредником между императрицей и великим князем. Вот один из тысячи примеров: великий князь, разговаривая однажды о военных движениях, подозвал полковника Бибикова (брата Александра Ильича) и спросил, во сколько времени полк его (в случае тревоги) может поспеть в Гатчину? На другой день Александр Ильич узнает, что о вопросе великого князя донесено, и что у брата его отымают полк. Александр Ильич, расспросив брата, бросился к императрице и объяснил ей, что слова великого князя были ни что иное, как военное суждение, а не заговор. Государыня успокоилась, но сказала: скажи брату своему, что в случае тревоги полк его должен идти в Петербург, а не в Гатчино.

9.>

Стр. 73. Густав III, изъявляя в 1790 году все свои неудовольствия,

хвалился тем, что он, несмотря на все представления, не воспользовался смятением, произведенным Пугачевым. - Есть чем хвастать, говорила государыня, что король не вступил в союз с беглым каторжником, вешавшим женщин и детей.

10.>

Стр. 78. Уральские казаки (особливо старые люди) доньне привязаны к памяти Пугачева. Грех сказать, говорила мне 80-ти-летняя казачка, на него мы не жалуемся; он нам зла не сделал. - Расскажи мне, говорил я Д. Пьянову, как Пугачев был у тебя посаженным отцом? - Он для тебя Пугачев, отвечал мне сердито старик, а для меня он был великий государь Петр Федорович. Когда упоминал я о его скотской жестокости, старики оправдывали его, говоря; не его воля была; наши пьяницы его мутили.

11.>

Стр. 82. И. И. Дмитриев уверял, что Державин повесил сих двух мужиков более из поэтического любопытства, нежели из настоящей необходимости.

12.>

Стр. 84. Казни, произведенные в Башкирии генералом князем Урусовым, невероятны. Около 130 человек были умерщвлены посреди всевозможных мучений! "Остальных человек до тысячи (пишет Рычков) простили, отрезав им носы и уши". Многие из сих прощенных должны были быть живы во время Пугачевского бунта.

13.>

Стр. 93. Князь Голицын, нанесший первый удар Пугачеву, был молодой человек и красавец. Императрица заметила его в Москве на бале (в 1775) и сказала: как он хорош! настоящая куколка. Это слово его погубило. Шепелев (впоследствии женатый на одной из племянниц Потемкина) вызвал Голицына на поединок и заколол его, сказывают, изменнически. Молва обвиняла Потемкина...

14.>

Стр. 135. Замечательна разность, которую правительство полагало между дворянством личным и дворянством родовым. Прапорщик Минеев и несколько других офицеров были прогнаны сквозь строй, наказаны батогами и пр. А Шванвич только ошельмован преломлением над головою шпаги. Екатерина уже готовилась освободить дворянство от телесного наказания. Шванвич был сын кронштадского коменданта, разрубившего некогда палашем, в трактирной ссоре, щеку Алексея Орлова (Чесменского).

15.>

Стр. 137. Кто были сии смышленные сообщники, управлявшие

действиями Самозванца? - Перфильев? Шигаев? - Это должно явствовать из процесса Пугачева, но к сожалению я его не читал, не смел его распечатать без высочайшего на то соизволения.

16.>

Стр. 138. Молодой Пулавский был в связи с женою старого казанского губернатора.

17.>

Стр. 145. В Саранске архимандрит Александр принял Пугачева с крестом и евангелием, и во время молебствия, на ектинии упомянул государыню Устинию Петровну. Архимандрит предан был гражданскому суду, в Казани. 13 октября 1774 года, в полдень, приведен он был в оковах в собор. Его повели в алтарь и возложили на него полное облачение. Солдаты с примкнутыми штыками стояли у северных дверей. Протопоп и протодиакон поставили его посреди церкви, во всем облачении и в оковах. После обедни был он выведен на площадь; ему прочли его вины. После того сняли с него ризы, обрезали волосы и бороду, надели мужицкий армяк и сослали на вечное заточение. Народ был в ужасе и жалел о преступнике. В указе было велено вывести Александра в одежде монашеской. Но Потемкин (Павел Сергеевич) отступил от сего, для большего эффекта.

18.>

Стр. 157. Настоящая причина, по которой Румянцев не захотел отпустить Суворова, была зависть, которую питал он к Бибикову, как вообще ко всем людям, коих соперничество казалось ему опасным.

19.>

Стр. 164. Падуров, как депутат, в силу привилегий, данных именным указом, не мог ни в коем случае быть казнен смертию. Не знаю, прибегнул ли он к защите сего закона; может быть он его не знал; может быть судьи о том не подумали; тем не менее казнь сего злодея противозаконна.

Общие замечания

Весь черный народ был за Пугачева. Духовенство ему доброжелательствовало, не только попы и монахи, но и архимандриты и архиереи. Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны. (NB. Класс приказных и чиновников был еще малочислен и решительно принадлежал простому народу. То же можно сказать и о выслужившихся из солдат офицерах. Множество из сих последних были в шайках Пугачева. Шванвич один был из хороших дворян).

Все немцы, находившиеся в средних чинах, сделали честно свое дело:

Михельсон, Муфель, Меллин, Диц, Деморан, Дуве etc. Но все те, которые были в бригадирских и генеральских, действовали слабо, робко, без усердия: Рейнсдорп, Брант, Кар, Фрейман, Корф, Валленштерн, Билов, Декалонг etc. etc.

Разбирая меры, предпринятые Пугачевым и его сообщниками, должно признаться, что мятежники избрали средства самые надежные и действительные к своей цели. Правительство с своей стороны действовало слабо, медленно, ошибочно.

Нет зла без добра: Пугачевский бунт доказал правительству необходимость многих перемен, и в 1775 году последовало новое учреждение губерниям. Государственная власть была сосредоточена; губернии, слишком пространные, разделились; сообщение всех частей государства сделалось быстрее, etc.

История Пугачева ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПРИЛОЖЕННЫЕ ПУШКИНЫМ
Портрет Пугачева, приложенный Пушкиным к изданию 1834 г.

Ручной шмуцтитул с подписью Пушкина

Карта губерний Оренбургской, Казанской, Нижегородской и Астраханской (до 1775 г.)

Печать Пугачева (Большая государственная печать Петра Третьего, императора и самодержца всероссийского, 1774)

Снимок с начертаний, сделанных рукою безграмотного Пугачева.

Подпись под указами Самозванца.

Снимок с подписей (Бранта, Рейнсдорпа, Кара, Бибикова, Щербатова, князя Голицына, Михельсона и Бошняка).

ОБ "ИСТОРИИ ПУГАЧЕВСКОГО БУНТА"

(РАЗБОР СТАТЬИ, НАПЕЧАТАННОЙ В "СЫНЕ ОТЕЧЕСТВА" В
ЯНВАРЕ 1835 ГОДА)

Несколько дней после выхода из печати "Истории Пугачевского бунта" явился в "Сыне Отечества" разбор этой книги. Я почел за долг прочитать его со вниманием, надеясь воспользоваться замечаниями неизвестного критика. В самом деле, он указал мне на одну ошибку и на три важные опечатки. Статья вообще показалась мне произведением человека, имеющего мало сведений о предмете, мною описанном. Я собирался при другом издании исправить замеченные погрешности, и оправдаться в несправедливых обвинениях, и принести изъявление искренней моей благодарности рецензенту, тем более, что его разбор написан со всевозможной умеренностью и благосклонностью.

Недавно в "Северной Пчеле" сказано было, что сей разбор составлен покойным Броневским, автором "Истории Донского войска". Это

заставило меня перечесть его критику и возразить на оную в моем журнале, тем более, что "История Пугачевского бунта", не имев в публике никакого успеха, вероятно не будет иметь и нового издания.

В начале своей статьи, критик, изъявляя сожаление о том, что "История Пугачевского бунта" писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистью Байрона и проч., признает, что эта книга "есть драгоценный материал, и что будущему историку, и без пособия нераспечатанного еще дела о Пугачеве, нетрудно будет исправить некоторые поэтические вымыслы, незначашие недосмотры, и дать сему мертвому материалу жизнь новую и блистательную". За сим г. Броневский отмечает сии поэтические вымыслы и недосмотры "не в суд и осуждение автору, а единственно для пользы наук, для его и общей пользы". Будем следовать за каждым шагом нашего рецензента.

Критика г. Броневского.

"На сей-то реке (Яике), - говорит г. Пушкин, - в XV столетии явились донские казаки".

Выписанное, в подтверждение сего факта из "Истории Уральских казаков" г. Левшина (см. прим. 1. 3-8 стр.) должноствовало бы убедить автора, что донские казаки пришли на Яик в XVI, а не в XV, столетии, и именно около 1584 года.

Объяснение.

Есть разница между появлением казаков на Яике и поселением их на сей реке. В русских летописях упоминается о казаках не прежде как в XVI столетии; но предание могло сохранить то, о чем умалчивала хроника. Наша летопись в первый раз о татарах упоминает в XIII столетии, но татары существовали и прежде. Г. Левшин неоспоримо доказал, что казаки поселились на Яике не прежде XVI столетия. К сему же времени должно отнести и существование полубаснословной Гугнихи. Г. Левшин, опровергая Рычкова, спрашивает: как могла ока (Гугниха) помнить происшествия, которые были почти за сто лет до ее рождения? Отвечаю: так же, как и мы помним происшествия времен императрицы Анны Иоанновны, - по преданию.

Критика г. Броневского.

Вся первая глава, служащая введением к "Ист. Пуг. бун.", как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность, или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием,

откуда первая глава им заимствована.

Объяснение.

Полное понятие о внутреннем управлении Яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное (т. е. пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.

Критика г. Броневского.

"Известно, - говорит автор, - что в царствование Анны Иоанновны Игнатий Некрасов успел увлечь за собою множество донских казаков в Турцию". Стр. 16.

Некрасовцы бежали с Дона на Кубань в царствование Петра Великого, во время Булавинского бунта, в 1708 году. См. Историю Д. войска. Историю Петра Великого Берхмана, и другие.

Объяснение.

Что Булавин и Некрасов бунтовали в 1708 году, это неоспоримо. Неоспоримо и то, что в следующем сей последний оставил Дон и поселился на Кубани. Но из сего еще не следует, чтоб при императрице Анне Иоанновне не мог он с своими единомышленниками перейти на турецкие берега Дуная, где ныне находятся селения некрасовцев. В истории Петра I-го в последний раз об них упоминается в 1711 году, во время переговоров при Пруте. Некрасовцы поручены покровительству крымского хана (к великой досаде Петра I-го, требовавшего возвращения беглецов и наказания их предводителя). Положившись на показания рукописного Исторического словаря, составленного учеными и трудолюбивыми издателями "Словаря о святых и угодниках", я поверил, что некрасовцы перешли с Кубани на Дунай во время походов графа Миниха, в то время, как запорожцы признали снова владычество русских государей. (1) Но это показание несправедливо: некрасовцы оставили Кубань гораздо позже, именно в 1775 году. Г. Броневский (автор "Истории Донского войска") и сам не знал сих подробностей; но тем не менее благодарен я ему за дельное замечание, заставившее меня сделать новые успешные исследования.

Критика г. Броневского.

"Атаман Ефремов был сменен, а на его место избран Семен Силин. Послано повеление в Черкасск сжечь дом Пугачева... Государыня не

согласилась по просьбе начальства перенести станицу на другое место, хотя бы и менее выгодное; она согласилась только переименовать Зимовейскую станицу Потемкинскую". Стр. 74.

В 1772 году войсковой атаман Степан Ефремов, за недоставление отчетов об израсходованных суммах, был арестован и посажен в крепость; вместо его пожалован из старшин в наказные атаманы Алексей Иловайский. Силин не был донским войсковым атаманом. Из Донской истории не видно, чтобы правительство приказало сжечь дом Пугачева; а видно только, что, по прошению донского начальства, Зимовейская станица перенесена на выгоднейшее место и названа Потемкинскую. См. "Историю Д. войска", стр. 88 и 124 части I.

Объяснение.

В 1773 и 74 году войсковым атаманом Донского войска был Семен Сулин (а не Силин). Иловайский был избран уже на его место. У меня было в руках более пятнадцати указов на имя войскового атамана Семена Сулина и столько же докладов от войскового атамана Семена Сулина. В "Русском инвалиде", в нынешнем 1836 году, напечатано несколько донесений от полковника Платова к войсковому атаману Семену Никитичу Сулину во время осады Силистрии в 1773 году. Правда, что в "Истории Донского войска" (сочинении моего рецензента) не упомянуто о Семене Сулине. Это пропуск важный и, к сожалению, не единственный в его книге.

Г. Броневский также несправедливо оспаривает мое показание, что послано было из Петербурга повеление сжечь дом и имущество Пугачева, ссылаясь опять на свою "Историю Донского войска", где о сем обстоятельстве опять не упомянуто. Указ о том, писанный на имя атамана Сулина, состоялся 1774 года января 10 (NB казнь Пугачева совершилась ровно через год, 1775 года 10 января). Вот собственные слова указа:

"Двор Ем. Пугачева, в каком бы он худом или лучшем состоянии ни находился, и хотя бы состоял он в развалившихся токмо хижинах, имеет Донское войско, при присланном от оберкоменданта крепости св. Димитрия штаб-офицере, собрав священный той станицы чин, старейшин и прочих оной жителей, при всех их сжечь, и на том месте через палача или профоса пепел развеять; потом это место огородить надолбами, или рвом окопать, оставя на вечные времена без поселения, как оскверненное жительство на нем все казни лютые и истязания делами своими превосшедшего злодея, которого имя останется мерзостью навеки, а особливо для Донского общества, яко оскорбленного ношением тем злодеем казацкого на себе имени, - хотя отнюдь таким богомерзким

чудовищем ни слава войска Донского, ни усердие оногo, ни ревность к нам и отечеству помрачатся и ни малейшего нареkania претерпеть не может".

Я имел в руках и донесение Сулина о точном исполнении указа (иначе и быть не могло). В сем-то донесении Сулин от имени жителей Зимовейской станицы просит о дозволении перенести их жилища с земли, оскверненной пребыванием злодея, на другое место, хотя бы и менее удобное. Ответа я не нашел; но по всем новейшим картам видно, что Потемкинская станица стоит на том самом месте, где на старинных означена Зимовейская. Из сего я вывел заключение, что государыня не согласилась на столь убыточное доказательство усердия и только переименовала Зимовейскую станицу в Потемкинскую.

Критика г. Броневского.

Автор не сличил показания жены Пугачева с его собственным показанием; явно, что свидетельство жены не могло быть верно: она, конечно, не могла знать всего и, конечно, не все высказала, что знала. Собственное же признание Пугачева, что он скрывался в Польше, должно предпочесть показанию станичного атамана Трофима Фомина, в котором сказано, что будто бы Пугачев, отлучаясь из дому в разное время, кормился милостиною!! и в 1771 был на Куме. - Но Пугачев в начале 1772 года явился на Яик с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог.

На Дону по преданию известно, что Пугачев до семилетней войны промышлял, по обычаю предков, на Волге, на Куме и около Кизляра; после первой Турецкой войны скрывался между польскими и глуховскими раскольниками. Словом, в мирное время иногда приходил в дом свой на короткое время; а постоянно занимался воровством и разбоем в окрестностях Донской земли, около Данкова, Таганрога и Острожска.

Объяснение.

Показания мои извлечены из официальных, неоспоримых документов. Рецензент мой, укоряя меня в несообразностях, не показывает, в чем оные состоят. Из показаний жены Пугачева, станичного атамана Фомина и наконец самого самозванца, в конце (а не в начале) 1772 года приведенного в Мальковскую канцелярию, видно, что он в 1771 году отпущен из армии на Дон, по причине болезни; что в конце того же года, уличенный в возмутительных речах, он успел убежать и, тайно возвратясь домой в начале 1772 года, был схвачен и бежал опять. Здесь прекращаются сведения, собранные правительством на Дону. Сам Пугачев показал, что весь 1772 год скитался он за польской границею и пришел оттуда на Яик, кормясь милостиною (о чем Фомин не упоминает ни слова). Г.

Броневский, выписывая сие последнее показание, подчеркивает слово милостыня и ставит несколько знаков удивления (!!); но что ж удивительного в том, что нищий бродяга питается милостынею? Г. Броневский, не взяв на себя труда сличить мои показания с документами приложенными к "Истории Пугачевского бунта", кажется, не читал и манифеста о преступлениях казака Пугачева, в котором именно сказано, что он кормился от подаяния. (См. манифест от 19 декабря 1774 года, в "Приложении к Истории Пугачевского бунта".)

Г. Броневский, опровергая свидетельство жены Пугачева, показания станичного атамана Фомина и официально обнародованное известие, пишет, что Пугачев в начале 1772 года явился на Яике с польским фальшивым паспортом, которого он на Куме достать не мог. Пугачев в начале 1772 года был на Кубани и на Дону; он явился на Яик в конце того же года не с польским фальшивым паспортом, но с русским, данным ему от начальства, им обманутого, с Добрянского форпоста. Предание, слышанное г. Броневским, будто бы Пугачев, по обычаю предков (!), промышлял разбоями на Волге, на Куме и около Кизляра, ни на чем не основано и опровергнуто официальными, достовернейшими документами. Пугачев был подозреваем в воровстве (см. показание Фомина); но до самого возмущения Яицкого войска ни в каких разбоях не бывал.

Г. Броневский, оспаривая достоверность неоспоримых документов, имел, кажется, в виду оправдать собственные свои показания, помещенные им в "Истории Донского войска". Там сказано, что природа одарила Пугачева чрезвычайной живостию и с неустрашимым мужеством, дала ему и силу телесную и твердость душевную; но что, к несчастью, ему не доставало самой лучшей и нужнейшей прикрасы - добродетели; что отец его был убит в 1738; что двенадцатилетний Пугачев, гордясь своим одиночеством, своею свободою, с дерзостию и самонадеянием вызывал детей равных с ним лет на бой, нападал храбро, бил их всегда; что в одной из таких забав убил он предводителя противной стороны; что по пятнадцатому году он уже не терпел никакой власти; что на двадцатом году ему стало тесно и душно на родной земле; что честолюбие мучило его; что вследствие того он сел однажды на коня и пустился искать приключений в чистое поле; что он поехал на восток, достигнул Волги и увидел большую дорогу; что, встретив четырех удальцов, начал он с ними грабить и разбойничать; что, вероятно, он занимался разбоями только во время мира, а во время войны служил в казачьих полках; что генерал Тотлебен, во время Прусской войны, увидев однажды Пугачева, сказал окружавшим его чиновникам: " чем более смотрю на сего казака, тем более поражаюсь

сходством его с великим князем", и проч. и проч. (См. "Историю Донского войска" ч. II, гл. XI.) Все это ни на чем не основано и заимствовано г. Броневским из пустого немецкого романа - "Ложный Петр III", не заслуживающего никакого внимания. Г. Броневский, укоряющий меня в каких-то поэтических вымыслах, сам поступил неосмотрительно, повторив в своей "Истории" вымыслы столь нелепые.

Критика г. Броневского.

"Шигаев, думая заслужить себе прощение, задержал Пугачева и Хлопушу, и послал к оренбургскому губернатору сотника Логинова с предложением о выдаче самозванца". Но в поставленном тут же под ? 12 примечании автор говорит, что сие показание Рычкова невероятно: ибо Пугачев и Шигаев, после бегства их из-под Оренбурга, продолжали действовать за-одно.

Если показание Рычкова невероятно, то в текст и не должно было его ставить; если же Шигаев только в крайнем случае в самом деле думал предать Пугачева, то это обстоятельство не мешало продолжать действовать за-одно с Пугачевым: ибо беда еще не наступила. Историк, конечно, показалось трудным сличать противоречащие показания и выводить из них следствия; но это его обязанность, а не читателей.

Объяснение.

Выписываю точные слова текста и примечание на оный: "После сражения под Татищевой, Пугачев с 60 казаками пробился сквозь неприятельское войско и прискакал сам-пят в Бердскую слободу с известием о своем поражении. Бунтовщики начали выбираться из Берды, кто верхом, кто на санях. На воза громоздили заграбленное имущество. Женщины и дети шли пешие. Пугачев велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, опасаясь пьянства и смятения. Вино хлынуло по улице. Между тем Шигаев, видя, что все пропало, думал заслужить себе прощение и, задержав Пугачева и Хлопушу, послал от себя к оренбургскому губернатору с предложением о выдаче ему самозванца, и прося дать ему сигнал двумя пушечными выстрелами.

"Примечание. Рычков пишет, что Шигаев велел связать Пугачева. Показание невероятное. Увидим, что Пугачев и Шигаев действовали за-одно несколько времени после бегства их из-под Оренбурга".

Шигаев, человек лукавый и смысленый, мог под каким ни есть предлогом задержать нехитрого самозванца; но не думаю, чтоб он его связал: Пугачев этого ему бы не простил.

Критика г. Броневского.

Стр. 97. "Уфа была освобождена. Михельсон, нигде не

останавливаясь, пошел на Тибинск, куда после Чесноковского дела прискакали Ульянов и Чика. Там они были схвачены казаками и выданы победителю, который отослал их скованных в Уфу". В примечании же 16-м (стр. 51), принадлежащем к сей V главе, сказано совсем другое, именно: "По своем разбитии, Чика с Ульяновым остановились ночевать в Богоявленском медно-плавильном заводе. Приказчик угостил их, и напоив до-пьяна, ночью связал и представил в Тобольск. Михельсон подарил 500 руб. приказчиковой жене, подавшей совет напоить беглецов". Место действия находилось в окрестностях Уфы, а по сему приказчик не имел нужды отсылать преступников в Тобольск, находящийся от Уфы в 1145 верстах.

Объяснение.

Если бы г. Броневский потрудился взглянуть на текст, то он тотчас исправил бы опечатку, находящуюся в примечании. В тексте сказано, что Ульянов и Чика были выданы Михельсону в Табинске (а не в Тобольске, который слишком далеко отстоит от Уфы, и не в Тибинске, который не существует).

Критика г. Броневского.

"Солдатам начали выдавать в сутки только по четыре фунта муки, т. е. десятую часть меры обыкновенной". Стр. 100.

Солдат получает в сутки два фунта муки, или по три фунта печеного хлеба. По означенной выше мере выйдет, что солдаты во время осады получали двойную порцию, или что весь гарнизон состоял из 20 только человек. Тут что-нибудь да не так.

Объяснение.

Очевидная опечатка: вместо четыре фунта должно читать четверть фунта, что и составит около десятой части меры обыкновенной, т. е. двух фунтов печеного хлеба. Смотри статью "Об осаде Яицкой крепости", откуда заимствовано сие показание. Вот собственные слова неизвестного повествователя: "Солдатам стали выдавать в сутки только по четверти фунта муки, что составляет десятую часть обыкновенной порции".

Критика г. Броневского.

В примечании 18, стр. 52, сказано, что оборона Яицкой крепости составлена по статье, напечатанной в "Отечественных Записках", и по журналу коменданта полковника Симонова. Как автор принял уже за правило помещать вполне все акты, из которых он что-либо заимствовал, то журнал Симонова, нигде до сего не напечатанный, заслуживал быть помещенным в примечаниях также вполне, как Рычкова - об осаде Оренбурга, и архимандрита Платона - о сожжении Казани.

Объяснение.

Я не мог поместить все акты, из коих заимствовал свои сведения. Это составило бы более десяти томов: я должен был ограничиться любопытнейшими.

Критика г. Броневского.

Стр. 129. "Михельсон, оставя Пугачева вправо, пошел прямо на Казань и 11 июля вечером был уже в 15 верстах от нее. - Ночью отряд его тронулся с места. Поутру, в 45 верстах от Казани, услышал пушечную пальбу!.." Маленький недосмотр!

Объяснение.

Важный недосмотр: вместо в 15 верстах, должно читать: в пятидесяти.

Критика г. Броневского.

"Пугачев отдыхал сутки в Сарепте, оттуда пустился вниз к Черному Яру. Михельсон шел по его пятам. Наконец, 25 августа на рассвете он настигнул Пугачева в ста пяти верстах от Царицына. Здесь Пугачев, разбитый в последний раз, бежал, и в семидесяти верстах от места сражения переплыл Волгу выше Чернойарска". Стр. 155-156.

Из сего описания видно, что Пугачев переплыл Волгу в 175 верстах ниже Царицына; а как между сим городом и Чернойаром считается только 155 верст, то из сего выходит, что он переправился через Волгу ниже Чернойара в 20 верстах. - По другим известиям, Пугачеву нанесен последний удар под самым Царицыным, откуда он бежал по дороге к Чернойару, и в сорока верстах от Царицына переправился через Волгу, то есть верстах в десяти ниже Сарепты.

Объяснение.

Выписываю точные слова текста: "Пугачев стоял на высоте, между двумя дорогами. Михельсон ночью обошел его, и стал противу мятежников. Утром Пугачев опять увидел перед собою своего грозного гонителя; но не смутился, а смело пошел на Михельсона, отрядив свою пешую сволочь противу донских и чугуевских казаков, стоящих по обоим крылам отряда. Сражение продолжалось недолго. Несколько пушечных выстрелов расстроили мятежников. Михельсон на них ударил. Они бежали, брося пушки и весь обоз. Пугачев, переправясь через мост, напрасно старался их удержать; он бежал вместе с ними. Их били и преследовали сорок верст. Пугачев потерял до четырех тысяч убитыми и до семи тысяч взятыми в плен. Остальные рассеялись. Пугачев, в семидесяти верстах от места сражения, переплыл Волгу, выше Чернойарска, на четырех лодках, и ушел на луговую сторону, не более как с тридцатью казаками. Преследовавшая его

конница опоздала четвертью часа. Беглецы, неуспевшие переправиться на лодках, бросились вплавь и перетонули".

Рецензент пропустил без внимания главное обстоятельство, поясняющее действие Михельсона, который ночью обошел Пугачева, и, следственно разбив его, погнал не вниз, а вверх по Волге, к Царицыну. Таким образом мнимая нелепость моего рассказа исчезает. Не понимаю, каким образом военный человек и военный писатель (ибо г. Броневский писал военные книги) мог сделать столь опрометчивую критику на место столь ясное само по себе!

Критика г. Броневского.

К VI главе 6 примечания не достаёт. См. 123 и 55 стр. На карте не означено многих мест, и даже городов и крепостей. Это чрезвычайно затрудняет читателя.

Объяснение.

Цыфр, означающий ссылку на замечание, есть опечатка. Карта далеко неполна; но она была необходима, и я не имел возможности составить другую, более совершенную.

Г. Броневский заключает свою статью следующими словами:

"Сии немногие недостатки ни мало не уменьшают внутреннего достоинства книги, и если бы нашлось и еще несколько ошибок, книга, по содержанию своему, всегда останется достойною внимания публики".

Если бы все замечания моего критика были справедливы, то вряд ли книга моя была бы достойна внимания публики, которая в праве требовать от историка, если не таланта, то добросовестности в трудах и осмотрительности в показаниях. Знаю, что оправдываться опечатками легко; но, надеюсь, читатели согласятся, что Тобольск вместо Табинск; в пятнадцати, верстах вместо в пятидесяти верстах и наконец четыре фунта вместо четверти фунта более походят на опечатки, нежели следующие errata, которые где-то мы видели: митрополит - читай: простой священник, духовник царский; зала в тридцать сажень вышины - читай: зала в пятнадцать аршин вышины; Петр I из Вены отправился в Венецию - читай: Петр I из Вены поспешно возвратился в Москву.

Рецензенту, наскоро набрасывающему беглые замечания на книгу, бегло прочитанную, очень извинительно ошибаться; но автору, посвятившему два года на составление ста шестидесяти осьми страничек, такое небрежение и легкомыслие были бы непростительны. Я должен был поступать тем с большею осмотрительностию, что в изложении военных действий (предмете для меня совершенно новом) не имел я тут никакого руководства, кроме донесений частных начальников, показаний

казаков, беглых крестьян, и тому подобного, - показаний, часто друг другу противоречащих, преувеличенных, иногда совершенно ложных. Я прочел со вниманием все, что было напечатано о Пугачеве, и сверх того 18 толстых томов in-folio разных рукописей, указов, донесений и проч. Я посетил места, где произошли главные события эпохи, мною описанной, поверяя мертвые документы словами еще живых, но уже престарелых очевидцев, и вновь поверяя их дряхлеющую память историческою критикою.

Сказано было, что "История Пугачевского бунта" не открыла ничего нового, неизвестного. Но вся эта эпоха была худо известна. Военная часть оной никем не была обработана: многое даже могло быть обнародовано только с высочайшего соизволения. Взглянув на "Приложения к Истории Пугачевского бунта", составляющие весь второй том, всякой легко удостоверится во множестве важных исторических документов, в первый раз обнародованных. Стоит упомянуть о собственноручных указах Екатерины II, о нескольких ее письмах, о любопытной летописи нашего славного академика Рычкова, коего труды ознаменованы истинною ученостию и добросовестностию - достоинствами столь редкими в наше время, о множестве писем знаменитых особ, окружавших Екатерину: Панина, Румянцева, Бибикова, Державина и других... Признаюсь, я полагал себя в праве ожидать от публики благосклонного приема, конечно, не за самую "Историю Пугачевского бунта", но за исторические сокровища, к ней приложенные. Сказано было, что историческая достоверность моего труда поколебалась от разбора г. Броневского. Вот доказательство, какое влияние имеет у нас критика, как бы поверхностна и неосновательна она ни была!

Теперь обращаюсь к г. Броневскому уже не как к рецензенту, но как к историку.

В своей "Истории Донского войска" он поместил краткое известие о Пугачевском бунте. Источниками служили ему: вышеупомянутый роман "Ложный Петр III", "Жизнь А. И. Бибикова", и наконец предания, слышанные им на Дону. О романе мы уже сказали наше мнение. "Записки о жизни и службе А. И. Бибикова" по всем отношениям очень замечательная книга, а в некоторых и авторитет. Что касается до преданий, то если оные, с одной стороны, драгоценны и незаменимы, то, с другой, я по опыту знаю, сколь много требуют они строгой проверки и осмотрительности. Г. Броневский не умел ими пользоваться. Предания, собранные им, не дают его рассказу печати живой современности, а показания, на них основанные, сбивчивы, темны, а иногда и совершенно

ложны.

Укажем и мы на некоторые вымыслы (к сожалению, не поэтические), на некоторые недосмотры и явные несообразности.

Приводя вышеупомянутый анекдот о Тотлебене, будто бы заметившем сходство между Петром III и Пугачевым, г. Броневский пишет:

"Если анекдот сей справедлив, то можно согласиться, что слова сии, просто сказанные, хотя в то время не сделали на ум Пугачева большого впечатления, но впоследствии могли подать ему мысль называться императором". А через несколько страниц г. Броневский пишет: "Пугачев принял предложение яицкого казака Ивана Чики, более его дерзновенного, называться Петром III". - Противоречие!

Анекдот о Тотлебене есть вздорная выдумка. Историк не следовало о нем и упоминать и того менее - выводить из него какое бы то ни было заключение. Государь Петр III был дороден, белокур, имел голубые глаза: самозванец был смугл, сухощав, малоросл; словом, ни в одной черте не сходствовал с государем.

Страница 98. "12 генваря 1773, раскольники (в Яицком городке) взбунтовались и убили как генерала (Траубенберга), так и своего атамана".

Не в 1773, но в 1771. См. Левшина, Рычкова, Ист. Пугач, бунта, и пр.

Стран. 102. "Полковник Чернышев прибыл на освобождение Оренбурга, и 29 апреля 1774 года сражался с мятежниками; губернатор не подал ему никакой помощи" и проч.

Не 29 апреля 1774 г., а 13 ноября 1773; в апреле 1774 года разбитый Пугачев скитался в Уральских горах, собирая новую шайку.

Г. Броневский, описав прибытие Бибикова в Казань, пишет, что в то время (в январе 1774) самозванец в Самаре и Пензе был принят народом с хлебом и солью.

Самозванец в январе 1774 года находился под Оренбургом и разъезжал по окрестностям оного. В Самаре он никогда не бывал, а Пензу взял уже после сожжения Казани, во время своего страшного бегства, за несколько дней до своей собственной гибели.

Описывая первые действия генерала Бибикова и медленное движение войск, идущих на поражение самозванца к Оренбургу, г. Броневский пишет: "Пугачев, умея грабить и резать, не умел воспользоваться сим выгодным для него положением. Поверив распущенным нарочно слухам, что будто от Астрахани идет для нападения на него несколько гусарских полков с донскими казаками, он долго простоял на месте, потом обратился к низовью Волги и через то упустил время, чтобы стать на угрожаемом нападением месте".

Показание ложное. Пугачев все стоял под Оренбургом и не думал обращаться к низовью Волги.

Г. Броневский пишет; "Новый главноначальствующий граф Панин не нашел на месте (на каком месте?) всех нужных средств, чтобы утишить пожар мгновенно и не допустить распространения оногo за Волгою".

Граф П. И. Панин назначен главноначальствующим, когда уже Пугачев переправился через Волгу и когда пожар уже распространился от Нижнего-Новгорода до Астрахани. Граф прибыл из Москвы в Керенск, когда уже Пугачев разбит был окончательно полковником Михельсоном.

Умалчиваю о нескольких незначачих ошибках, но не могу не заметить важных пропусков. Г. Броневский не говорит ничего о генерал-маиоре Каре, игравшем столь замечательную и решительную роль в ту несчастную эпоху. Не сказывает, кто был назначен главноначальствующим по смерти А. И. Бибикова. Действия Михельсона в Уральских горах, его быстрое, неутомимое преследование мятежников оставлены без внимания. Ни слова не сказано о Державине, ни слова о Всеволожском. Осада Яицкого городка описана в трех следующих строках: "Он (Мансуров) освободил Яицкий городок от осады и избавил жителей от голодной смерти: ибо они уже употребляли в пищу землю".

Политические и нравоучительные размышления, (2) коими г. Броневский украсил свое повествование, слабы и пошлы и не вознаграждают читателей за недостаток фактов, точных известий и ясного изложения происшествий.

Я не имел случая изучать историю Дона и потому не могу судить о степени достоинства книги г. Броневского; прочитав ее, я не нашел ничего нового, мне неизвестного; заметил некоторые ошибки, а в описании эпохи мне знакомой - непростительную опрометчивость. Кажется, г. Броневский не имел ни средств, ни времени совершить истинно исторический памятник. "Тяжкая болезнь - говорит он в начале "Истории Донского войска" - принудила меня отправиться на Кавказ. Первый курс лечения Пятигорскими минеральными водами хотя не оказал большого действия, но, по совету медиков, я решился взять другой курс. Ехать в Петербург и к весне назад возвращаться было слишком далеко и убыточно; оставаться на зиму в горах - слишком холодно и скучно; итак, 15 сентября 1831 года отправился я в Новочеркасск, где родной мой брат жил по службе с своим семейством. Осьмимесячное мое пребывание в городе Донского войска доставило мне случай познакомиться со многими почтенными особами Донского края" и проч. "Впоследствии уверившись, что в словесности нашей не достает истории Донского войска, имея досуг и добрую волю, я

решился пополнить этот недостаток" и проч.

Читатели г. Броневского могли, конечно, удивиться, увидя вместо статистических и хронологических исследований о казаках подробный отчет о лечении автора; но кто не знает, что для больного человека здоровье его не в пример занимательнее и любопытнее всевозможных исторических изысканий и предположений! Из добродушных показаний г. Броневского видно, что он в своих исторических занятиях искал только невинного развлечения. Это лучшее оправдание недостаткам его книги.

А. П.

Примечания

(1) Изменник Орлик, сподвижник Мазепы, современник Некрасова, был тогда еще жив и приезжал из Бендер уговаривать старинных своих товарищей.

(2) Например: "Нравственный мир, так же как и физический, имеет свои феномены, способные утратить всякого любопытного, дерзающего рассматривать оные. Если верить философам, что человек состоит из двух стихий, добра и зла, то Емелька Пугачев бесспорно принадлежал к редким явлениям, к извергам, вне законов природы рожденным; ибо в естестве его не было и малейшей искры добра, того благого начала, той духовной части, которые разумное творение от бессмысленного животного отличают. История сего злодея может изумить порочного и вселить отвращение даже в самых разбойниках и убийцах. Она вместе с тем доказывает, как низко может падать человек и какою адскою злобою может быть преисполнено его сердце. Если бы деяния Пугачева подвержены были малейшему сомнению, я с радостью вырвал бы страницу сию из труда моего".

МАТЕРИАЛЫ

А. ЗАПИСИ УСТНЫХ РАССКАЗОВ, ПРЕДАНИЙ, ПЕСЕН.

I.

ПОКАЗАНИЯ КРЫЛОВА (поэта).

Отец Крылова (капитан) был при Симанове в Яицк. гор.. Его твердость и благоразумие имели большое влияние на [тогдашн] тамошние дела, и сильно помогли Симанову, который в начале было струсил. Ив. Андр. находился тогда с матерью в Оренб.. На их двор упало несколько ядер, он помнит голод и то, что за куль муки заплачено было его матерью (и то тихонько) 25 р.! Так как чин капитана в Яицк. креп. был заметен, то найдено было в бумагах Пугачева в расписании, кого на какой улице повесить, и имя Крыловой с ее сыном. Рейнсдорп был человек очень глупый. Во время осады вздумал он было ловить казаков капканами, чем и насмешил весь город, хоть было и не до смеху. После бунта, Ив. Крылов

возвратился в Яицк. г., где завелась игра в пугачевщину. Дети разделялись на две стороны, городовую и бунтовскую, и драки были значительные. Кр., как сын капитанский, был предводителем одной стороны. Они выдумали, разменивая пленных, лишних сечь, отчего произошло в ребятах, между коими были и взрослые, такое остервенение, что принуждены были игру запретить. Жертвой оной чуть было не сделался некто Анчапов (живой доньне). Мертваго, поймав его, в одной экспедиции, повесил его кушаком на дереве. - Его отцепил прохожий солдат.

11 апр. 1833.

П.

ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ>

Чугуны - Кар etc.

Васильс. - пред. о Пугачеве. Он в Курмыше повесил май. Юрлова за смелость его обличения - и мертвого секли нагайками. - Жена его спасена его крестьянами. Сл. от старухи, сестры ее - жив. милостынею.

Пугачев ехал мимо копны сена - собачка бросилась на него. - Он велел разброс сено. Нашли двух барышен - он их, подумав, велел повесить.

Слышал от зрителя за Чебоксарами.

В Берде Пугачев жил в доме Кондр. Ситникова, в Озерной у Полежаева.

Харл. расстрелена.

Вас. Плотников. Пугачев у него работником.

Карницкий. Ил Гор

Из Гурьева городка

Протекла кровью река.

Из крепости из Зерной

На подмогу Рассыпной

Выслан капитан Сурин

Со командою один

Он нечаянно в крепость въехал

Начальников перевешал

Атаманов до пяти

Рядовых сот до 6.

Ур. казаки
Были дураки
Генерала убили
Госуд

Пугачев повесил академика Ловица в Камышине. Иноходцев убежал.

Оцюш кайбас, бог. Панин. Дом Пустынникова, Смышляевка.

Ш.

Казань 6 снт. В. Петр. Бабин.

Пугачев с Арск. поля послал сволочь свою на 3-ю гору или на немецкое кладбище. Там находилась суконная слобода. Фабриканты разного были звания, стрельцы, мещане etc. - Иные в башмаках с пряжками, в шляпе на 3 угла etc. - Башкирцы пустили в них стрелами словно хмелем. Тут была одна чугунная пушка, ее разорвало, канонера убило - едва успели раз выпалить. Суконщики, ободряемые преосв. Вениамином, хотели защищаться рычагами и чем ни попало - но башкирцы зажгли слободу и бросились в улицы. - Пугачев запретил колоть народ, но Башк. его не слушались. Мать Бабина, брося во ржи двух дочерей и неся в подоле годового сына, бросилась в ноги козаку. - Матушка, сказал он ей; ведь Башк. убьет же тебя. - Казанка запружена была телами жителей гонимых в лагерь. - Кудрявцев, столетний старик, на носилках вынесен был в церковь близ его загородного дома находившуюся. - Он был забит нагайками.

Народ пригнанный в лагерь Пугачева поставлен был на карачки перед пушками, бабы и дети подняли вой. - Им объявили прощение государево. - Все закричали ура! и кинулись к его ставке. - Потом спрашивали: кто хочет в службу к гос. Петр Фед.. - Охотников нашлось множество.

Против Шарной горы у Горлова кабака поставлен была пушка. - Пугачев к горе подошел лесом и рассыпавшись по Арскому полю и по третьей горе ворвался в Казань.

Казни после Пугачева были ужасные, вешали за ребро, сажали на кол etc. Рели стояли лет 10 после Пугачева и петли болтались.

Фабриканты, кулачные бойцы, приняли было худо вооруженную сволочь в рычаги, в ружья и сабли, но Пугачев, заняв Шарную гору, пустил по ним картечью. - Венямин успел уехать в крепость из архиерейского дома. Народ, возвратясь из плена, нашел все верхь дном. - Кто был богат очутился нищим, кто был скуден разбогател.

Казак, при Пугачеве, стал сымать башмаки с отца Бабинова - и как они

пришлись не в пору, бросил их ему в лицо.

IV.

Бунтовщики 1771 года посажены были в лавки Мен. двора. - Около Сергиева дня, когда наступил сенокос, их отпустили на Яик. - Садясь в телеги они говорили при всем торжище: То ли еще будет? так ли мы потрянем Москвою? - Молчать, курвины дети, говорили им Ор. казаки их сопровождавшие, но они не унимались. Папков в (Переволоцкой) Сарочинской.

Он привел кн. Галицына к Сарочинской кр., но она уже была вызжена. Гал. насыпал ему рукавицу полную денег.

В Татищ. Пугачев пришел вторично спрашивал у атамана, есть ли в кр. провиант. - Ат., по предварительной просьбе старых казаков, опасавшихся голода, отвечал что нет. - Пугачев пошел сам освидетельствовать магазины, и нашел их полными, повесил атамана на заставах. Елагину взрезали грудь, и кожу задрали на лицо.

Лиз. Фед. Елагина выдана была в Озерную за Харлова весною. - Она была красавица, круглолица и невысока ростом. Матрена в Татищ.

Из Озерной Харлов выслал жену свою 4 дня перед Пугачевым, а пожитки свои и все добро спрятал в подвале у Киселева. Пугачева пошли казаки встречать за 10 верст. Харл. (хмельной) остался с малым числом гарниз. солдат. Он с вечера начал палить из пушек. - Билов услышал пальбу из Чесноковки (15 в.) и воротился, полагая, что Пугачев уже кр. взял. - Поутру Пугачев пришел. Казак стал остерегать его. Ваше ц. в., не подъезжайте, неравно из пушки убьют. Старый ты человек, отвечал ему Пугачев, разве на царей льются пушки? Харл. приказывал стрелять - никто его не слушал. Он сам схватил фитиль и выстрелил по неприятелю. - Потом подбежал и к другой пушке - но в сие время бунтовщики ворвались. - Харлова поймали и изранили. Вышибленный ударом копья глаз у него висел на щеке. - Он думал откупиться, и повел казаков к избе Киселева. - Кум дай мне 40 рублей, сказал он. - Хозяйка все у меня увезла в Ор.. Кис. смутился. - Казаки разграбили имущество Хар. Дочь Кис. упала к ним в ноги, говоря: Государи, я невеста, этот сундук мой. Каз. его не тронули. Потом повели Харл. и с ним 6 чел. вешать в степь. Пугачев сидел перед релями - принимал присягу. Гарнизон стал просить за Харлова, но Пугачев был неумолим. Татарин Бикбай, осужденный за шпионство, взошед на лестницу спросил равнодушно: какую петлю надевать? - Надевай какую хочешь, отвечали казаки - (не видал я сам, а говорили другие, будто бы тут он перекрестился). Пугачев был так легок, что когда он шел по улице к магазинам, то народ не успевал за ним бегом. - Он, проезжая по Озерной к

жене в Яицк, останавливался обыкновенно у каз. Полежаева, коего любил за звучный голос, большой рост и проворство.

Под Ил. гор. хотел он повесить Дмит. Карницкого, пойманного с письмами от Сим. к Рейнс.. На лестнице Карн., обратись к нему, сказал: Гос., не вели казнить, вели слово молвить. - Говори, сказал Пугачев. - Гос., я человек подлый, что прикажут, то и делаю; я не знал, что написано в письме, которое нес. Прикажи себе служить, и буду тебе верный раб. - Пустить его, сказал Пугачев, умеешь-ли ты писать? - Умею, гос., но теперь рука дрожит. Дать ему стакан вина, сказал Пугачев. - Пиши указ в Рассыпную. Карн. остался при нем писарем и вскоре стал его любимцем. Уральск. каз. из ревности в Тат. посадили его в куль да бросили в воду. - Где Карн., спросил Пугачев. - Пошел к матери по Яику, отвечали они. Пугачев махнул рукою и ничего не сказал. - Такова была воля яицк. казакам!

В Озерной.

В Берде Пугачев был любим; его казаки никого не обижали. Когда прибежал он из Тат., то велел разбить бочки вина, стоявшие у его избы, дабы драки не учинилось. Вино хлынуло по улице рекою. Оренбурцы после него ограбили жителей.

Старуха в Берд.

Пугачев на Дону таскался в длинной рубаше (турецкой). Он нанялся однажды рыть гряды у казачки - и вырыл 4 могилы. В Озерной узнал он одну дончиху, и дал ей горсть золота. Она не узнала его. По наговору яицк. казаков, велел он расстрелять в Берд. Харлову и 7-летнего брата ее. Перед смертью они сползлись и обнялись - так и умерли, и долго лежали в кустах. - Когда Пугачев ездил куда-нибудь, то всегда бросал народу деньги. - Когда под Тат. разбила Пугачева, то яицк. прискакало в Оз. израненных, - кто без руки, кто с разрубл. головою человек 12, кинулись в избу Бунтихи. - Давай, старуха, рубашек, полотенец, тряпья - и стали драть, да перевязывать друг у друга раны. - Старики выгнали их дубьем. А гусары галицынские и Хорвата ? так и ржут по улицам, да мясничат их. Когда разлился Яик, тела поплыли вниз. Казачка Разина, каждый день прибредши к берегу, пригребала палкою к себе мимо плывущие трупы, перворачивая их и приговаривая: - Ты ли, Степушка, ты ли мое детище? Не твои-ли черны кудри свежа вода моет? - Но видя, что не он, тихо отталкивала тело и плакала. - К Пугачеву привозили ребят. - Он сидел между двумя казаками, из коих один держал серебряный топорик, а другой булаву. У Пугачева рука лежала на колене - подходящий [крестьясь] кланялся в землю, а потом перекрестясь, целовал его руку. - Пугачев в Яицк. сватался за , (1) но она за

него не пошла. - Устинью Кузн. взял он насильно, отец и мать не хотели ее выдать: она-де простая казачка, не королевна, как ей быть за государем.

(В Берде от старухи).

Федулев, недавно умерший, вез однажды Пугачева пьяного - и ночью въехал было в Ор..

Когда казаки решились выдать Пугачева, то он подозвал Творогова, велел ему связать себе руки, но не назад, а вперед. - Разве я разбойник, говорил Пугачев. В Татищ. Пугачев за пьянство повесил Я. казака.

V.

ДМИТРИЕВ. ПРЕДАНИЯ.

Дмитриев услышал о Пугачеве от слуги, ездившего в Синб. воеводскую канцелярию с его отцом. Возвратись слуга рассказывал о важном преступнике, казаке, отосланном в Казань, в оковах с двумя солдатами, которые сели на облучки кибитки с обнаженными тесаками.

Пугачев собирал милостыню, скованный с другим колодником. На улице Замочной решетки стояла кибитка etc.

Полковник Чернышев был тот самый, о котором говорит Екатерина в своих записках. Он и брат его были любимцы Петра III, который сделал одного полковником и дал ему полк и второго подполковником. Екатерина пожаловала первого бригадиром и сделала Пб.м комендантом, а брата его полковником и комендантом Симбирским. П.б. комендант в старости своей был в связи с Травиной - он целый день проводил в ее доме сидя под окном; и к зоре отправлялся в крепость.

Белобородов был казнен в Москве прежде поимки Пугачева. Ген. Потемкин имел связь с Устиньей, второй женою Пугачева.

Панин вырвал клоч из бороды Пугачева - рассердясь на его смелость.

Кар был человек светский и слыл умником.

Дурнов лежал между трупами.

(Слышал от сен. Баранова). Державин приближаясь к одному селу близ Мальковки с двумя казаками - узнал, что множество народу собралось и намерены идти к Пугачеву. Он приехал прямо к сборной избе и требовал от писаря Злобина (в последствии богача) изъяснения зачем собрался народ и по чьему приказанию. Начальники выступили и объявили, что идут соединиться с гос. Петр. Фед. - и начали было наступать на Державина. Он велел двух повесить, а народу велел принести плетей и всю деревню пересек. Сборище разбежалось. Держ. уверил их, что за ним идут 3 полка.

Дмитриев уверял, что Державин повесил их из поэтического

любопытства.

VI.

СЛОВ Н. СВЕЧИНА.>

Немецкие указы Пугачева писаны были рукою Шванвича.

Отец его, Александр Мартынович, был майором и кронштатским комендантом - после переведен в Новгород. Он был высокий и сильный мужчина. - Им разрублен был Алексей Орлов в трактирной ссоре. - Играя со Свечиным в ломбр, он имел привычку закуривать свою пенковую трубочку, а между тем заглядывать в карты. - Женат был на немке. Сын его старший недавно умер.

Слышано от Н. Свечина.

VII.

БИОГРАФИЯ СЕКУНД-МАЙИОРА НИКОЛАЯ ЗАХАРЬЕВИЧА ПОВАЛО-ШВЫЙКОВСКОГО.

Н. З. Швый уроженец (2) Смоленской губернии Духовщинского уезда. Жительство имеет в с. Мореве. В службу вступил в 1769-м году в Измайловский полк рядовым и того же года произведен в капралы. В 1770-м году в декабре месяце выпущен подпоручиком в армию в Черниговской пехотный полк. В походах был при завоевании Крыму и по взятии г. Перекопа в 1771-м произведен из подпоручиков в капитаны с переводом во 2-ой Гренадерской полк, по именному соизволению, за отличие. В том же году находился при взятии Кафы. В последствии продолжал службу в Пугачевской Экспедиции, за которую получил в награду от государыни императрицы 250-т душ, Витебской губернии Невельского повета, в вечное и потомственное владение. В отставку уволен за болезнь 1777-го года генваря дня...

Вот что говорит Швыйковский о Пугачевской Войне.

В плен попался к Пугачеву в 1773-м году в сражении при с. Горы в 25-ти верстах от Казани, в то время когда бросился с несколькими рядовыми отбить захваченное у нас орудие. По взятии немедленно представлен Пугачеву на самом поле сражения. Он был на добром коне. Свиту его составляли Яицкие казаки, из которых самые приближенные к нему Чика, Творогов - и нашей службы артиллерист Перфильев, перешедший к нему из Оренбургского поселения. Пугачев росту среднего, чернобородый, глаза небольшие, быстрые, стану ровного, одет по-казачьи, вооружен саблею и пистолетами за поясом. Он у меня спросил: ты дворянин? - "ёНет". - "ёТак видно хорошо служишь". - Много ли здесь вас? - 500 человек. Но нас только было 150-т. Меня обобрали и отдали под присмотр. Плен мой продолжался с утра до полуночи. В сие время заметя оплошность моей

подгулявшей стражи нашел я средство уйти вместе с захваченными со мной рядовыми. В тот же день явился я к премьер-майору Михельсону расположенному с войском на Арском поле близ Казани. Михельсон известясь от меня мгновенно напал на Пугачева, разбил и преследовал вниз по Волге. Последнее действие противу Пугачева происходило следующим образом. Быв разбит переправился он через Волгу с 30-ю человеками и скрылся в камыше, который по приказанию Суворова был зажжен Михельсоном. Потом Пугачев взят в плен и отвезен в Симбирск в деревянной клетке. Суворов сам привез его следуя за ним в простой телеге. Прежде сего дела я командирован был с полковником драгунского полка Абернибесовым для охранения Симбирска. При отправлении же Пугачева из Симбирска в Москву находился в числе стражи. Путь наш продолжался не долго. Мы ехали на переменных обывательских лошадях, и везли Пугачева скованного по рукам и ногам не в клетке, а в зимней кибитке. Всем сопутствующим разговор с ним был воспрещен. Пища ему производилась сытная и пред обедом и ужином давали порцию простого вина. Пленника везли только днем, а ночь проводили за крепким караулом на приуготовлен ных квартирах. По прибытии в Москву, Пугачев содержался на монетном дворе и занимал особую комнату имеющую вид треугольника. Цепи имел на руках, ногах, и укрепленную в стене, поперек тела. Стража состояла из 10-ти человек преображенцев и роты 2-го Гренадерского полка, под командою капитана Карташева. Главным же начальником конвоя был гвардии Преображенского полка капитан Галахов, сопровождавший его от Симбирска до Москвы и находившийся при нем по день казни, т. е. по 10-е генваря 1775-го года.

В продолжении заключения своего Пугачев не показывал робости, сохранял равнодушие. Одет был со времени плена в нагольной тулуп. Везли Пугачева на казнь в цепях, на зимнем ходу четверкою с фореитором. На санях был амвон, на котором возвышении и сидел Пугачев вместе с духовником своим, увещающим его к раскаянию. Народу было большое стечение. Пугачев часто обращался к окружающим и говорил, что он самый тот Пугачев, который назывался Петром III.

По прибытии к месту казни, палач отрубил ему прежде голову, а там принялся за руки и ноги; за это он в то же время был наказан кнутом. Вместе с Пугачевым повешены и несколько сообщников его.

Примечания.

Пугачев родом донец и отличался наездничеством. При взятии Бендер граф Петр Иванович Панин за храбрость произвел Пугачева в значковые товарищи.

Пугачев от живой жены вступил в брак с яицкою казачкою. Она была дочь кузнеца - баба видная, имя ее Устинья Петровна.

На Дону семейство Пугачева составляли: жена, сын и дочь.

Перфильев заведывал у Пугачева артиллерию - но была она весьма малочисленна - едва ли доходила до 10-ти орудий. Войска его определить с точностию невозможно - оно беспрестанно возрастало и уменьшалось. Тут было все - козаки, мужики и разные бродяги.

Примечания

(1) оставлен пробел для имени

(2) сноска в рукописи: Он родился 1752-го года мая 9. P. S.

Б. ДНЕВНИКИ И ЗАПИСКИ.

I.

ЖУРНАЛ СИМАНОВА.

Известие о захвачении Мостовщикова и 24 орен. казаков, посланных в числе 80 против появившихся злодеев близ города, пришло в 30 число дек. 1773-го перед зарею. По утру же злодеи вошли в город, и к крепости переулками приблизились и со всех сторон окружив ее, засели в высокие избы. Обыватели, яицк. каз. тотчас к ним соединились. Из закрытых мест начали стрелять во весь день и ночь. Гарнизон был принужден ближайше к крепости дома зажечь, и потом отвечать им пушечной и ружейной стрельбою. Они же своих убитых и раненых в закрытии собирали и развозили по домам.

И с 30 дек. по 19 янв. злодеи день и ночь не давали покою гарнизону; при том завалили они бревнами не только большие улицы, но и переулки, и взвели за строениями неприметно батареи, коих было у них напоследок 16. - В ближайших же к крепости избах от наших пушек защитились они поделав изнутри двойные стены, между коих насыпали землю, и тем оставались безвредны как от простых выстрелов, так и от каленых ядер.

Нам оставалось только стараться об удалении врага от крепости, по чему и старались обжечь около оной площадь, атакуя укрепленные избы. Сии опасные вылазки чинимы были всегда с успехом, иногда 2 раза в короткий зимний день, солдаты были остервенены. Пугачев наконец писал в крепость угрозительное письмо, в коем запрещал сии вылазки. На сих вылазках бывало человек до 20 ранен., из коих 4 или 5 умирало.

На 20 янв. часа за 3 до свету взорван был подкопом у рва верхней батареи при Старице контрескарп (впрочем без вреда ни людям, ни рву, ни батарее) и вор Пугачев со всеми бунтовщиками, казаками, малолетками,

женами и дочерьми их, присовокупя купцов, барских людей, татар, калмыков и мещеряков с криком бросился под дымом и пылью. Злодеи засели в ров и ставя лестницы силились взойти на батарею и на вал. Но гарнизон их к тому не допустил, и не дал способа осаждающим их подкрепить. Атакою предводительствовал сам Пугачев, который сперва лаской старался их возбуждать, а наконец колот копьем из своих рук. Штурм продолжался более 9 часов при неумолчной пальбе и стрельбине. Гарнизон наконец сделал вылазку в занятый ров, очистив его и неприятеля прогнал, убив у него до 400 ч.. С нашей стороны уб. 15, ранено 22.

С 21 янв. опасаясь вылазок неприятель умножил караулы при завалах и батареях - никогда меньше 700 чел. - беспрестанно стрелял из ружий, иногда из пушек, а изредка бомбами и гранатами - и часто визгом возвещал нападение.

9-го февраля учинена вылазка - и знатная батарея и несколько домов сожжены. У нас убито 10, ран. 8.

На 19 февр. в полночь выбежал от неприятеля малолеток казачий сын Иван Неулыбин, и объявил, что у Пугачева положено сего числа вновь атаковать крепость, и что вчерашнего дня подвели они под колокольню подкоп, и таковой же хотели подвести под каменную стену между собора и колокольни, куда-де хотели и пороху положить пуд 20. - А к рытию подкопа употреблены работные люди (со 130 чел.). А Пугачев назад тому 3 недели женился на казачке Кузнецовой - перед женитьбой ездил он на малое время под Оренб. и сюда возвратился. Казалось невероятно, чтобы можно было колокольню взорвать 20-ю пуд. пороха, из-под каменной стены ведена была от нас контрамина, и из оной никогда неприятельской земляной работы не было слышно. Мы полагали, что малолеток был нарочно подослан от неприятеля, дабы принудить нас от страха оставить посты, расположенные по фасам и около колокольни, чтоб было удобнее штурмовать. Пред церковью и колокольнею, за наступавшими морозами, и рва не успели вырыть. Но так как под колокольнею в палате, как в безопаснейшем месте, содержался весь наш пороховой магазин; то мы поспешили его оттоле убрать - и уповая предварить контраминою непр.ую земл. работу, тотчас начали в той стороне работать, не давая знать о том нашим на постах находящ. людям. И как только успели на сей случай приготовить резерв, для занятия поста в случае подрыва, часа с 2 спустя по объявлению сего малолетки, неприят. подкоп открылся в самом деле и развали нижнюю под колок. палату, верхние 6 этажей осадил, и тем более подавило людей вдаль и в стороне, чем на постах своих подле колок. стоящих. Всего же удивительнее, что в самом верхнем этаже бывшие при

пушке на часах, 7-ой пол. ком. егеря Ядринцев и Ветошкин и у них же под часами Алушников и Конахин, свалились оттоль живы - первые трое расшиблись, но не смертельно, а последний оттоле безо всякого вреда снесен сонный.

Злодеи тотчас открыли огонь по крепости, особенно по развалинам, и с криком бросились на приступ - но резерв наш тотчас занял сии развалины, куда взвезены были и пушки. Непр. весь день и ночь старался овладеть крепостию, но безо всякого успеха - с нашей стороны уб. 42, ран. 13, в том числе Симанов контузией.

С 20 февр. по 15 апр. Воры при беспрест. ружейн. огне, будто бы приготовлялись к атаке, а между тем производили земляные работы, то срывая берег при заливе Чечоры, для закрытия от нас комуник. одной части города с другой; то копая на несколько сажен траншеи, дабы препятствовать нашим вылазкам. От стороны же Куренской и от Кирсановского облому повели вновь подкопы подле Яру реки Старицы. И в Яру прокапывая бойницы стреляли по ходившим за водою. - Мины они хотели вести вокруг всей крепости, дабы под землею в ров вошедши, из оного взойти на вал, а между тем подминировать соборную церковь, три батареи и гаубвахту, в коей пребывали все штаб и об. офицеры, также пороховой погреб и Танбовцова палаты, в коих был пост. По сему мы и принуждены были делать повсюду контрамины.

15 числа усмотрено, что яицк. Бунтовщики малыми толпами въезжали в город и к вечеру собрались до неск. сот - и ударя в набат, собрали круг и шумели. После чего толпою приблизились к крепости - их было приняли выстрелами, но вскоре увидели, что они вели связанных своих предводителей, атамана Каргина и Толкачева с товарищи, всего 7 чел., прося в винах помилования и всему городу пощады. Перевязанные злодеи приняты, а голодный гарнизон насыщен привезенным хлебом, а 16 числа прибытием г. ген. м. Мансурова от осады освобожден.

В креп. было - регуляр...	738	Казак. оренб., чиновн. и офиц.....	94
яицк.....	72	Церковн. служ.....	5
.....	18	Женщин.....	101
Детей.....			64
Лошадей.....			112
Провианту было			
Муки.....	290	четвертей Круп.....	7
Овса... ..	212	Сена.....	2,850 пуд.

С февр. 1 начали давать половинную порцию и лошадин. мяса по 2 ф.
С 2 марта по полов. фунт. овса и 2 ф. лош. м..

С 20 по 28 по 1/4 овса и по фунту кожи. Апреля овса, отрубей.
Пушек - 18. Пороху разошлось 53 пуда. В остатке 12 пуд.

17 февраля кинуту против ретраншементу на лед реки Старицы через нездешнего казака письмо возмутительное от Пугачева. Между тем Пугачев с высоты батареи, от стороны Куренской, с коей весь ретранш. открылся, смотрел что будет. Ему ответствовано пушечными выстрелами. На что и он возразил тем же.

14 марта привязав к хвосту бумажного змия куверт, пустил из-за строения на долгой нитке от стороны Чеганской и наведя его над ретраншементом, нитку отрезал: в письме своем Пугачев обещал Симонову прощение, уговаривая сдаться для избежания кровопролития; и в заключении уведомляет, что посланные из Ор. на лыжах с почтою, 6-ой пол. ком. мушкеры Иван Потехин и Тимоф. Дехин, в степи блуждавшие без хлеба 10 дней, пойманы и сюда привезены. - В ту сторону, откуда змей прилетел, послано несколько гранат, отчего примечено по переулкам перебежки и торопливость.

II.

ЖУРНАЛ МЯСОЕДОВА.

Журнал осады города Уфы.

1773 года ноября 24-го. Два крепост. человека прокурора Зубова посланы были за р. Белую в их деревню Зубовку, объявили, что башкирцы заняли село Чесноковку и были встречены крестьянами с печеными хлебами, всего 4 воза.

25. Крестьяне ближней деревни Тапычковой обще с Чесноковцами пресекали, сообщение города с ними.

26. Ближние деревни и хутора разоряются.

27 и 28. Уж Уфа со всех сторон осаждена башкирцами, ясачными татарами и возмущенными крестьянами.

29. Подъехавшие к городу башкирцы подавали разные сигналы, на кои им отвечали, они уехали обратно.

30. Из Чесн. подъехали башкирцы и крестьяне; к ним выехал сек.майор Пекарской, и кол. регистр. Черкашенинов. - Злодеи с криком требовали отдачи города, и выдачи полковн. и коменд. Мясоедова и воеводу Борисова, обещая город не разорять и тот час отъехали.

1 декаб. По Сибирской дороге от с. Богородского приезжало до 500 чел. дворцовых, помещичьих и заводск. крестьян и иноверцев и остановились под городом в 1 1/2 вер. Их прогнали. Мясоедов приказал чинить ночные по пикетам разъезды, в кои употреблены секретари и

протоколисты.

2. спокойно.

3. Убежавшие с вольной пристани (в 4 вер. от Уфы) три человека караульных солдат объявили, что утром до 100 чел. бунтовщиков отбили двери у анбаров, где хранилась илецкая казенная соль. Из города послано туда войско, но уже оно злодеев не застало.

4-го. Прапорщик Куреев и атаман Бурцев из городу чинили поиск (с чел. до 100) и захватили 5 человек злодеев, кои объявили: 1) что все дворянские дома ими разорены. 2) Что они утвердили себя присягою стоять за Самозванца. 3) Ими предводительствуют и к бунту преклоняют старшины Ибраш Уразбах и Тюрей Ишали. 4) Пригород Табинск и Бугульчанская пристань заняты башкирцами, а таб. комендант капт. Моисеев и атам. Казырской изрублены. А подгородных деревень помещики, кол. сове. Артемьев, поруч. Пекарской и посланный из канцелярии для гсдрств. дела каптенармус дворянин Гладышев и жительствующие по Шугоровке речке малопоместные дворяне, не успевшие в Уфу въехать с семействами - побиты. 5) Для нападения на Уфу согласились злодеи ждать команды и артиллерии из-под Оренб. - а покамест тревожить город.

5 и 6 спокойно.

7-го. Фуражиры возвратились в Уфу благополучно не видав злодеев; 2 человека сами собою ездили по другую сторону реки Демы для ловли рыбы. Один был схвачен злодеями, другой спасся. Один купец и 5 крепостных бежали в толпу.

8-го. ОтЧесноковки к городу подъезжали до 500 башк.. Они подослали через находящегося у них в плену казака письмо к Мясоедову, требуя именем Петра III сдачи города. Им отвечали картечью, 3 башк. были убиты, прочие бежали подхватя тела. - Им послали печатный манифест от 15 октября с тат. переводом.

9. В обедни - человек до 5 подъехало с криком требуя каз. атамана. - С ними обменялись указами. - Получено с пристани известие, что из двух анбаров взято до 24,000 пуд соли и свезено в с. Чесноковку выслать противу их было некого.

10 переговоров. К пристани наряжена команда с пушкою; 3 человека схвачены. Известие о бунте башк. и мещерещан подтверждается.

11 вылазка к Вавилову перевозу. Злодеи обращены в бег. - Команда возвратилась благополучно.

12. Из города усмотрено 2 пеших человека. К ним послана команда. Это были прапорщик Аничков и малолеток подростный казачий. Они

объявили о взятии Табинска и Стерлитамацкой пристани - и о пребывании графа Чернышева (Чики) в Ст. пристани, также о прибытии полковника (Ульянова?) в село Чесноковку. Они оказались подосланными от злодеев, для рассеяния сомнений.

13. Новые подосланные. Очная ставка с Оничковым и с малолетком. Аничк., раскаясь, признается, что показания его были ложны и преувеличены. Всего у злодеев табинских казаков 200, нагайбацких 25, прочих 15 - всего 500. Башкирцев же множество.

14. Подъезжали злодеи к городу, им через Губанова и Аничкова доставлены манифесты, и с трех сторон пушками прогнаны.

15 и 16 спокойно. Ночью из города за Уфу и Белую фуражиры ездили благополучно.

17 спок.. 18-го фуражиры городские атакованы пушками. Захватили злодеи 48 муж. и женщ. Конвойными убит один башк., и захвачен Зубовской крестьянин, объявивший о прибытии в село Чесноковку графа Чернышева с 500 русских и с 7 пушками. В плену при нем бирской командир прем.-май. Моисеев и дворцовых волостей управитель Орлов. Пригородки Бирск и Нагайбак взяты башкирцами и пушки и порох свозятся в Чесноковку.

19-го взятые жители отпущены Чикою с приказанием от него коменданту город сдать. Вслед за ними прибыл в Уфу табинский канцелярист Блинов с товарищем с тем же требованием и с угрозой приступа на 20-е число - они посажены в железы.

20 около города объезд. Злодеи у Сибирских и Казанских ворот делали примечания. Их было до 2,000.

21 новый объезд; сперва от Вавилова перевоза, потом от Богородского села, а потом от Стрешнева перевозу к Ильинским и Фроловским воротам. От Сибирск. и Казанск. ворот была пуш. пальба. Злодеи ретировались, но у Фрол. ворот сожгли маяк и городского сена увезли до 300 возов.

22-го в 6 ч. утра приступ - пальба до 2-х часов. Вреда не было городу.

23 в 7 час. утра сторож с соборной колокольни усмотрел новые приуготовления к приступу. Их встретили пальбою. Команды собрались. Злодеи же стреляли от с. Чесноковки из-за Белой реки, от Дуткина перевозу с гор и против Московского пикета. Противу их отправлен пр.-май. Белавин, и с резервною пушкою сек.-май. Пекарской. - От Усольского же пикета отбиты полк.м Мясоедовым; при май. Пекарском и кап. Пасмурове и Аничкове (NB) отбиты 2 пушки и со снарядами в одном фурмане (fourgon) и ящике. В плен взяты 2 канон., два солдата, 6 крестьян, убито до 70, с нашей стороны нет потерь. Белавин и Пасмуров и

Магницкой, отбив пушки, пошли к толпам с двумя малыми пушками и с небольшою командою - и от Ильинского пикета отбили 1,000 чел. злодеев. Пленники показали, что Чика положил Уфу взять и разорить, а дворян и лучших людей истребить, и что кол. сов. Артемьев, пр.-май. Моисеев и управитель Орлов, атам. Казарской, кап. Моисеев и серж. Каловский убиты. - На приступе было злодеев 10,000.

24 и 25 спок., 26 разъезды около соляной пристани (в 4 верст. от Уфы) увидели на лугах, за Вавиловым перев., злодеев (чел. 40) забирающих городское сено. Они бежали.

27 и 28 спок..

29 от Чесноковки на гор. лугах злодеи брали сено и оттоль чел. до 100; на той стороне Белой реки на яру подъезжали против города, между ими был и Чика. По них выстрелили. Убило ядром несколько человек. Прочие бежали захватя раненых и убитых.

30. За Вавилов Перевоз посланы были разные жители для привозу сена до 700 подвод при капитане Пасмурове, поручике Каловском, атамане Бурцеве и президенте Иконникове с 3-мя пушками. - Их атаковали иноверцы - но были отбиты. Двое из жителей бежали.

31 спокойно.

Январь.

1. Из Чесн. до 700 злодеев приезжали к Уфе на Яр к Белой реке - была обоюдная пальба; с городских маяков усмотрели, что злодеи увезли до 700 возов сена.

2. Спокойно.

3-го. Фуражиров до 1,000 подвод отъехали из города верст за 12. На них злодеи напали, но были отбиты. 5 чел. жит. ранено, да 5 взято в плен. - В 5 часов вечера подъехал к пикету (на Белой вверх) уфимской купец и депутат Алексей Подъячев, подсланный от Чики с угрозами и повелениями о сдаче Уфы.

4 спок.. В полночь 4 чел. крепостные пр.-м. Белавина, бежали украв 4 лошади, 3 седла и 2 хомута.

5 спок.. С городских маяков видно, что злодеи увезли сена до 400 возов.

6